

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ ПРАВА В СОВЕТСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ (первая и вторая дискуссии о системе права)

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье критически переосмысливаются представления о системе советского права, ее генезисе. Анализируются два основных этапа развития идеи нового – социалистического – права: 1) 30–40-е гг.; 2) вторая половина 50-х гг. Автор приходит к выводу, что советская система права кардинально отличается от дореволюционной тем, что прежние ценностные ориентиры, идеалы, традиции были отвергнуты, она создавалась «с чистого листа», была системой другого типа, не основанной на принципах исторической преемственности, эволюции. В качестве результатов первой «волны» дискуссии отмечаются следующие. Во-первых, юристы в целом достигли консенсуса в отношении необходимости «построения» системы советского права; теории «засыпания», «отмирания» права были отвергнуты как не соответствующие вызовам времени. Во-вторых, утвердилось понимание системы права как деления правовых норм по отраслям. В-третьих, в качестве главного, а для многих юристов – единственного критерия деления права признан предмет правового регулирования. В-четвертых, официально отвергнуто римское деление права на частное и публичное. В ходе второй «волны» дискуссии ключевые идеи, сформировавшиеся в рамках первого обсуждения, получили поддержку и дальнейшее развитие. Большинство участников выступили против коренной ломки сложившейся системы права, исходили из необходимости ее совершенствования. В методологическом плане главный дефект сформировавшегося взгляда на систему права заключался в том, что система права отождествлялась с отраслевой дифференциацией правовых норм. Вместо гибкого, многоаспектного подхода, отражающего функциональные, генетические, структурные и иные связи, существующие в праве, советские правоведы взяли за основу односторонний, патолого-анатомический подход, нацеленный на расчленение «живой» правовой материи на отдельные ее части и оперирование ими как самоценными элементами.

Ключевые слова: система права, структура права, критерии деления права, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, отрасль права, правовой институт

Для цитирования: Архипов С. И. Развитие представлений о системе права в советском правоведении (первая и вторая дискуссии о системе права) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 6–22. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_6.

THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT THE LEGAL SYSTEM IN SOVIET JURISPRUDENCE (first and second discussions on the legal system)

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article critically rethinks the ideas about the system of Soviet law and its genesis. Two main stages of the development of the idea of a new socialist law are analyzed: 1) 30–40s; 2) the second half of the 50s. The author comes to the conclusion that the Soviet legal system is fundamentally different from the pre-revolutionary one, the previous values, ideals, traditions were rejected, it was created «from scratch», it was a different type of system, not based on the principles of historical continuity and evolution. The results of the first «wave» of discussion are noted. Firstly, lawyers achieved as a whole of a consensus on the need to «build» a system of Soviet law; the theories of «falling asleep» and «dying out» of law were rejected as inappropriate to the challenges of the time. Secondly, the understanding of the legal system as a division of legal norms by branches has been established. Thirdly, the subject of legal regulation is recognized as the main, and for many lawyers, the only criterion for the division of law. Fourth, the Roman division of law into private and public has been officially rejected. During the second «wave» of discussion, the key ideas formed during the first discussion were supported and further developed. Most of the participants opposed the fundamental breakdown of the existing legal system, proceeding from the need to improve it. From a methodological point of view the main defect of the formed view of the legal system was that the legal system was identified with the sectoral differentiation of legal norms. Instead of a flexible, multidimensional approach reflecting the functional, genetic, structural and other connections existing in law, Soviet jurists took as a basis a one-sided, pathological and anatomical approach aimed at dividing the «living» legal matter into its individual parts and operating them as valuable elements in themselves.

Key words: legal system, legal structure, criteria for the division of law, subject of legal regulation, method of legal regulation, branch of law, legal institution

*For citation: Arkhipov S. (2026) The development of ideas about the legal system in Soviet jurisprudence (first and second discussions on the legal system). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 6–22, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_6.*

Система советского права – это уникальное по своему характеру и природе явление. Ее уникальность заключается в том, что она создавалась «с чистого листа», не имея аналогов в прошлом и настоящем. Существовавшая до нее в Российской империи система права формировалась в процессе естественного созревания общества, его постепенной правовой эмансипации, ее можно отнести к системам эволюционного типа. Отдельные правовые реформы Петра I, Екатерины II, Александра I, других российских императоров хотя и оказали заметное влияние на нее, но в целом не изменили ее эволюционной природы. Она вплоть до 1917 г. оставалась по своему «духу», социальной природе восточно-патриархальной, постепенно «дрейфующей» в сторону западной цивилизации. В советском же праве прежние ценностные ориентиры, идеалы, традиции были отвергнуты, впервые во всемирной истории была практически осуществлена радикальная идея разрушения до основания старого правового строя и создания на его руинах новой социально-правовой системы.

В результате революционных преобразований прежняя история права закончилась, началось новое правовое летоисчисление, новая правовая история, и у этой правовой истории была своя конечная «цель». Если по отношению к дореволюционной системе понятие «цель права» малоприменимо, поскольку объединенные в Своде законов Российской империи акты представляли собой неоднородные по своим замыслам документы, у которых не было общей идеи, единой идеологии, кроме того, в ней отсутствовала конституция, устанавливающая принципы и цели социально-правового развития, то по отношению к советскому праву понятие цели вполне можно использовать.

Система советского права – целеустремленная, в ее основе лежала марксистская идея построения бесклассового общества, коммунизма. Конечным пунктом социально-правовых преобразований марксизм провозгласил создание общества без государства и права. Советское социалистическое право должно было подготовить почву, заложить необходимый социальный фундамент, условия для «отмирания» государ-

ства, а вместе с ним и права как самоценной системы социального общения¹. Право, как и государство, должно было, по представлениям основоположников марксизма, попасть «в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»². Участь права была предрешена, социалистическое право должно было стать могильщиком всей правовой надстройки, на нем правовая история должна была закончиться.

В целом теория социалистического права – это сгусток неразрешимых противоречий, несовместимых между собой идей. Заключение в марксистском учении о праве антиправовая цель есть главный источник его противоречий, причина теоретической рыхлости основных положений. Идея «отмирания» права не согласуется, несовместима с идеями формирования нового, советского права, создания системы социалистического правопорядка, социалистической законности и т. д. Почти два десятилетия (с 1917 до середины 30-х гг.) дилемма: постепенное «увядание», «отмирание» права или же, напротив, укрепление правовых основ, созидание нового, «пролетарского» права, призванного узаконить, конституировать зарождающийся социальный строй, – была предметом спора, теоретических разногласий советских правоведов, причиной возникновения противоположных научных течений.

Другое спорное положение марксизма – о буржуазном праве при социализме. Оно тесно связано с идеей «отмирания» права. Суть его заключается в том, что в коммунистическом обществе в период его зарождения сохраняются «родимые пятна старого общества» (Маркс), т. е. капитализма. Таким «родимым пятном», по мнению основоположников марксизма, является буржуазное право. Оно не уничтожается пролетариатом в ходе революции, а продолжает существовать при социализме, хотя и частично, не в полной мере, до тех пор, пока коммунистический строй не сформирует новый социальный фундамент, разовьется на своих собственных основаниях.

Данное положение, на наш взгляд, не согласуется с марксистской идеей пролетарской революции, с важнейшим тезисом марксизма о кардинальном сломе, разрушении буржуазной государственной «машины», теоретическое обоснование которого дано В. И. Лениным в работе «Государство и революция». Он, как и Маркс, настаивал на радикальном сломе, на разрушении старого государственного аппарата, поскольку его невозможно реформировать, преобразовать для целей диктатуры пролетариата. Для новой государственной «машины», нового общественного строя необходимо новое право. Кардинальное разрушение существующего социального строя и постепенное его реформирование с частичным сохранением элементов прошлого – две разные стратегии, у каждой из них собственная логика.

Смысл сохранения старого права, по мнению В. И. Ленина, заключался в необходимости осуществления основного принципа социализма: «От каждого по способности – каждому по труду». Однако для этих целей не было необходимости в буржуазном праве, нужны, как отмечал сам автор данной идеи, социалистический учет и контроль. Дело в том, что системы оценки труда в буржуазном праве и при социализме – разные³. При капитализме оценка стоимости труда осуществляется на основе рыночных критериев, поэтому интеллектуальный труд может оцениваться многократно выше физического, при социализме же главным образом учитывались временные

¹ См., например: Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 18–19, 83, 93–99.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 173.

³ К. Маркс в «Критике Готской программы» писал: «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда» (Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 18). Для правового регулирования трудовых отношений и «справедливой» оплаты труда, как показал советский правовой опыт, нет необходимости в буржуазном праве. Оплата за труд в СССР производилась не на основе «буржуазных» критериев, а на основе системы социалистического учета и контроля. Неслучайно, когда возник вопрос об оплате труда работников советского государственного аппарата, В. И. Ленин предложил их труд уравнивать с трудом квалифицированных рабочих, оценивая его в 6000 руб.

затраты и физические усилия, поэтому труд рабочих оплачивался обычно выше труда инженеров.

Кроме того, идея сохранения буржуазного права при социализме не стыкуется, несовместима с важнейшим ленинским тезисом: «Мы ничего „частного“ не признаем, для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹. Частное право – это не второстепенный элемент, а стержень, основа буржуазного права, в нем заключен его «дух», исходные принципы, правовые начала. Отказ от частного права в новом мироустройстве означал принципиальный отказ от капитализма и буржуазного права.

В. И. Ленин справедливо отмечал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития – в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме – к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»². Маркс, по его мнению, исходил из того, что будущее развитие коммунизма определяется теми же общественными силами, которые рождены капитализмом, он сравнивал его с естествоиспытателем, биологом, исследующим эволюционные процессы формирования новых биологических разновидностей. В этом, на наш взгляд, кроется причина появления концепции существования буржуазного права при социализме.

Право – это не биологическая система, оно есть порождение человеческого сознания, «духа». Для нее определяющим фактором является цель. Право как целевая система живет по своим законам, не биологическим, не законам природы. В социально-правовой сфере, в отличие от сферы природы, от живых организмов, возможны и даже неизбежны «скачки», перерывы постепенности. Таким социальным скачком, разрывающим эволюционный процесс, стало формирование советской государственности и права.

Те социальные силы, которые сформировали систему капиталистических отношений, буржуазное право, были низвергнуты в результате революционной стихии. Уже в начале 30-х гг. в стране не было ни буржуазии, ни дворянства как классов, они юридически и фактически были упразднены. Земля, средства производства, банки стали государственной собственностью, тем самым были разрушены основы, фундамент прежнего строя. Вместе с капиталистическими отношениями в СССР прекратили существование и открытые Марксом экономические законы капитализма. Маркс полагал, что правовые отношения возникают из экономических, обусловлены ими³, однако в условиях, когда прежний социальный, экономический строй разрушен, когда «экспроприаторы экспропрированы», нет прежних экономических отношений, можно по аналогии с библейским изречением утверждать: «В начале было Право».

Право в период социальных революций становится важнейшим фактором общественных преобразований, основой нового миропорядка. Когда разрушен старый социальный строй, экономические законы рыночных отношений уже не действуют, тогда исходным пунктом для социального созидания выступает право. Оно выходит на авансцену новой социальной истории. В связи с этим, на наш взгляд, спорным представляется важнейший тезис марксистской юриспруденции, что предметом социалистического права являются объективно, т. е. независимо от сознания людей, существующие общественные отношения. По сути, данный тезис есть развитие идеи Маркса о социальной эволюции, а также о приоритете экономического базиса над правовой надстройкой.

Для обществ, основанных на рыночных отношениях, где экономические интересы являются приоритетными для социальных субъектов, право действительно следует за экономическими отношениями, определяется базисом. Но совершенно иная ситуация складывается в социальных системах, где идеология берет верх над экономическими интересами, где во имя высших целей разрушается прежний миропорядок и его экономический базис. В этих системах у права нет объективной основы, соци-

¹ Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20 февраля // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 398.

² Ленин В. И. Государство и революция. С. 84.

³ Он писал: «Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических?» (Маркс К. Указ. соч. С. 16).

ального фундамента, который определяет ее внутреннее строение. Для нее главным, системообразующим фактором является господствующая идеология, те цели, которые преследуют пришедшие к власти социальные силы. В этих «целеустремленных», «идеологических» социальных системах полюса меняются: право становится тем базисом, на основе которого формируется новый хозяйственный уклад.

Если главным идеологом создания системы советского права был В. И. Ленин, то ее главным «архитектором» – А. Я. Вышинский. Заслуга В. И. Ленина заключалась в определении основных задач, вектора развития советского права, а также его общего строения, исходных принципов (включая принцип социалистической законности). Что касается А. Я. Вышинского, то, не будучи законодателем, он сформулировал «официальную» дефиницию права и в общем виде представил его структуру. Как справедливо отметил В. В. Лазарев, говоря о различных ипостасях права (сферах, областях, аспектах), концепциях законодательства: «Генеральный прокурор Вышинский не только их осмысливал, но и формировал»¹.

В докладе «Основные задачи науки советского социалистического права» на первом совещании по вопросам советского государства и права в 1938 г. А. Я. Вышинский сформулировал концептуальные положения, определяющие перспективы развития советского права как целостной системы. Прежде всего он категорически отверг идею отмирания права при социализме, а также тезис о буржуазной природе социалистического права². Если для Е. Б. Пашуканиса и его сторонников переход к коммунизму предполагал не замену категорий буржуазного права категориями пролетарского права, а отмирание юридической формы вообще, «освобождение от этого наследия буржуазной эпохи»³, то, по мнению А. Я. Вышинского, задачи социалистического строительства требуют не отмирания, не «выветривания» права, а его укрепления, усиления его роли в обществе, создания права нового типа – социалистического, представляющего собой высшую ступень правового развития.

Оценивая состояние науки буржуазного права, он пришел к радикальному выводу о том, что «науки, которая могла быть названа таковой в подлинном смысле этого слова, ее нет»⁴. Таким образом, его идея заключалась в том, что советским юристам предстоит создать настоящую правовую науку: не эмпирическое учение, основанное на догматико-юридическом методе, а науку, созидающую новое право. При этом в качестве «верного компаса» в правовой сфере А. Я. Вышинский предлагал советским правоведам взять марксистско-ленинскую методологию диалектического материализма.

Согласно его концепции нельзя создать общую теорию права лишь посредством логической обработки норм позитивного права: «Теория права это есть система правовых принципов, на основе которых строится вся наука права, все отрасли науки права, независимо от их конкретного содержания... выработка этих принципов не может брать свое начало в нормах позитивного права. Наоборот, нормы позитивного права, как и все позитивное право в целом, должны строиться в соответствии с началами, принципами, установленными теорией права, опирающейся в свою очередь на принципы социализма, социалистической революции, социалистического государственного и общественного строя. Следовательно, надо выработать сначала принципы теории права»⁵.

¹ Лазарев В. В. *Онтология законодательства: источники развития // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 92.* Фигура главного прокурора СССР А. Я. Вышинского до сих пор вызывает в литературе неоднозначные оценки. С одной стороны, многие праведы отмечают его заслуги как теоретика права, внесшего заметный вклад в советскую юридическую науку, с другой стороны, обращают внимание на «темные» стороны его личности, справедливо утверждая, что он был сталинским «инквизитором», отправившим «на Голгофу» многих известных российских праведов и политиков.

² Вышинский А. Я. *Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 199, 201.*

³ Пашуканис Е. Б. *Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 23.*

⁴ Вышинский А. Я. *Основные задачи науки советского социалистического права. С. 214.*

⁵ Там же. С. 218.

Исходя из логики его рассуждений, принципы социалистического права нельзя найти в позитивном праве, их должна выработать, сформулировать юридическая наука, общая теория права, основываясь при этом не на абстрактных правовых идеалах или высших правовых ценностях, а на «принципах социализма», «социалистической революции». Данный вывод означает, что истоки их следует искать вне правовой сферы, они обусловлены не правовыми, а политическими соображениями, идеями («Право, разумеется, есть категория политическая»¹, – утверждал А. Я. Вышинский). В конечном счете принципы социалистического права определяются стратегическими целями и задачами коммунистической партии, ее программными документами.

Основываясь на сформулированных принципах права, юридическая наука должна создать, построить систему социалистического права. Подчеркнем, не открыть, не выявить в процессе исследования существующих социально-правовых отношений, действующих правовых предписаний, а именно построить: «Построить систему советского социалистического права это значит, во-первых, систематизировать те принципы, на которые опирается советское право, во-вторых, классифицировать советские юридические дисциплины, показав конкретное содержание этих дисциплин, и, в-третьих, дать исчерпывающее описание и определение тех задач, которые стоят перед каждой из этих дисциплин в отдельности и перед всей наукой советского права в целом, и тех методов, при помощи которых эти задачи могут и должны быть решены»².

С одной стороны, для правоведов политический заказ на построение совершенно новой системы права открывал невиданные ранее перспективы участия в правотворческом процессе, в формировании не существовавшей ранее правовой реальности. Подобно «священнослужителям» права в Древнем Риме советские правоведы получили возможность создать своего рода «право юристов». С другой стороны, новая система права должна была основываться не на «чистых» принципах права, не на высших правовых ценностях, сформированных человечеством, а на идеологических постулатах, отрицающих собственную ценность права, предполагающих использование формы права в сугубо политических целях: в качестве инструмента диктатуры пролетариата, для построения коммунистического общества, в котором нет места праву.

Определяя субстанцию, «материю» права, А. Я. Вышинский писал: «Право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, но и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке»³. Он противопоставлял свою точку зрения позиции П. И. Стучки, который рассматривал право как систему (или порядок) общественных отношений, соответствующую интересам господствующего класса и охраняемую организованной силой этого класса⁴. Хотя сам автор доклада утверждал, что его определение не имеет ничего общего с нормативистскими определениями, тем не менее оно, на наш взгляд, выражает позитивистский, узконормативный подход к пониманию права.

Система права согласно данной позиции не включает в себя правовые отношения, судебные решения, договоры, правовые доктрины, правовые идеалы и т. д. Ничего, что так или иначе связано с собственно правовым общением, с правовым «духом». В ней представлены лишь технико-юридические инструменты, причем не совмещения интересов, согласования произволов субъектов права (например, договоры), а нормы, правила как средства, инструменты классового господства, диктатуры пролетариата. Это не просто еще одна версия юридического позитивизма, а, как справедливо утверждал В. С. Нерсисянц, «антиюридический позитивизм»⁵. Право из сфе-

¹ Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 225.

² Там же. С. 238–239.

³ Там же. С. 234. В окончательной (письменной) редакции доклада А. Я. Вышинского было сформулировано следующее определение права: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» (Там же. С. 233–234).

⁴ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 42.

⁵ Нерсисянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. С. 122.

ры, «царства» свободы превратилось в свою противоположность – институт политического насилия, диктатуры.

Когда А. Я. Вышинский, как и другие участники совещания по вопросам науки, исходили из понимания права как совокупности правил поведения, выражающих волю пролетариата – господствующего класса, то они, на наш взгляд, игнорировали одно важное обстоятельство. Согласно марксистско-ленинской теории «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹. Пролетариат как социальный класс существует в исторически определенной системе общественного производства – в системе рыночных, капиталистических отношений, его отношение к средствам производства оформляется «буржуазным» правом.

В середине 30-х гг. в СССР эта система общественного производства прекратила существование; вместе с рынком, капитализмом, «буржуазным» правом и буржуазией исчез и ее «сиамский близнец» – пролетариат. Сохранились рабочие, нанимаемые государством (государственными предприятиями, трестами), но пролетариат как социальный класс, если основываться на представлениях К. Маркса и В. И. Ленина о социальных классах, прекратил свое существование, следовательно, не могло быть и речи о системе пролетарского права, о правовом господстве пролетариата. В этом смысле позиция Е. Б. Пашуканиса и его сторонников была гораздо более марксистской, чем взгляды А. Я. Вышинского и поддержавших его участников совещания 1938 г.

Поскольку из системы советского права был исключен важнейший структурный элемент, заключающий в себе «дух» правовой свободы, – частное право, – то вся система права свелась к совокупности норм, выражающих государственную, политическую власть. Как утверждал А. Я. Вышинский, «по существу все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в тех или иных правовых формах»². Что это означает с точки зрения осуществления идеи формирования, «построения» системы советского социалистического права? Это значит исключение так называемого социального, негосударственного права из системы права. Система права превращается в своего рода пирамиду властных норм³, каждый элемент которой служит общей идее государственного господства. В правовой пирамиде есть главные элементы и есть служебные, обеспечивающие уголовно-правовыми, административно-правовыми санкциями, процедурными и иными гарантиями юридически оформленную волю государства.

Проектируемые правовые отрасли и институты представляют собой не оформленные сущего, которого еще нет, его еще предстоит создать, а конституирование должно. Предмет правового регулирования как основа дифференциации отраслей нового, социалистического права и его правовых институтов – это не отражение объективной реальности в сознании юристов, а скорее образ желаемого правового будущего, определяемого задачами, поставленными партией и государством. Исходя из властной природы советского права, можно говорить о том, что его деление по отраслям и институтам лишь внешне схоже с делением, существующим в системах эволюционного типа, у него другая основа, иной внутренний стержень. В основе структурного деления в системе советского права лежит принцип дифференциации, сегментации государственной власти применительно к разным сферам общественной жизни. Государство лишает субъектов права свободного правового общения, превращая их из исходных центров правовой коммуникации, осуществляющих в ней собственные интересы, свою правовую волю, в исполнителей воли суверена.

¹ Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 15.

² Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. С. 243–244.

³ См., например, выступление на совещании Н. Н. Полянского: Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Окончание // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 134.

Важным итогом совещания по вопросам науки советского государства и права 1938 г. стало инициирование дискуссии о системе советского социалистического права. Первая «волна» – с 1938 по 1946 г. В продолжение и развитие высказанных на I Совещании идей А. Я. Вышинский опубликовал в 1939 г. в журнале «Советское государство и право» статью «XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права». В ней автор высказал мысль о том, что государственная диктатура сохранится не только в период перехода к коммунизму, но и при коммунизме (!), пока не будет ликвидировано капиталистическое окружение¹. Также он уточнил сформулированное им на совещании определение права, указав, что право есть не совокупность, а *система* правил поведения (норм), выражающих *волю трудящихся*, всего советского народа (в редакции Совещания – волю господствующего класса), таким образом, он учел замечания, высказанные отдельными участниками совещания в отношении признака системности права (С. Ф. Кечекияна, В. С. Тадевосяна и др.). Кроме того, он «поправил» ранее предложенный им список отраслей советского права, исключил из него «без объяснения причин» земельное право, заменив его семейным правом. Уточненный список – десять отраслей права: 1) государственное; 2) трудовое; 3) колхозное; 4) административное; 5) бюджетно-финансовое; 6) семейное; 7) гражданское; 8) уголовное; 9) судебное; 10) международное право. Надо понимать, что высказанные им мысли – это отнюдь не «частное» мнение одного из многих советских правоведов, а позиция, претендующая на статус «официальной», соответствующей «линии партии».

В том же номере журнала «Советское государство и право» были опубликованы статьи по системе права члена-корреспондента АН СССР М. А. Аржанова и академика АН СССР И. П. Трайнина. М. А. Аржанов полагал, что не следует рассматривать систему права как «вещь в себе и для себя», пытаться достичь логически стройной и законченной схемы отраслей права, надо исходить не из чисто научных соображений, а из практической пользы. В качестве критерия группировки норм он, как и другие участники дискуссии, предлагал предмет правового регулирования: «Мы можем и должны – и с нашей точки зрения, это – единственно правильный путь – построить и определить все без исключения отрасли советского права по предмету правового регулирования»². Он полагал, что нет «вообще» систем права, они существуют в конкретной, определенной исторической форме и советская система права не является исключением. Основываясь, очевидно, на соображениях, высказанных А. Я. Вышинским, он утверждал, что «невозможно заранее предопределить систему права с ее отраслями каким-то принципом, взятым в самом праве»³. Система права не статична, она развивается, но не из своих внутренних предпосылок, оснований; она «следует за предметом», за меняющимися общественными отношениями, регулируемым правом.

И. П. Трайнин, как и М. А. Аржанов, исходил из того, что система права в целом и государственное право в частности зависят «не от априорных юридических правил»⁴, а от действительности. Действительность же сталинской эпохи имела мало общего с осуществлением правовых идеалов. Как справедливо отметил автор статьи, теоретическим основанием советского государственного права являются: марксистско-ленинское учение о диктатуре рабочего класса и партийные программы и постановления. Не теории правового государства и гражданско-правового состояния легли в основу Конституции и конституционного права, исходным фундаментом советского конституционного (государственного) права стали не правовые, а политические доктрины. Правовые идеалы вместе с буржуазным правом были отвергнуты как

¹ Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 10.

² Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права // Там же. С. 29. Свои представления о предмете правового регулирования М. А. Аржанов развил позднее в статье «Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе права» (Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28). В данной статье он отмечал то обстоятельство, что предмет – это не только определенный круг общественных отношений, но и их содержательная характеристика, это отношения «известного порядка, известного типа»; «определяя предмет... мы уже тем самым по существу входим в круг основных и решающих вопросов о целях, задачах, политике, планах и мероприятиях государства» (с. 16, 18).

³ Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права. С. 29.

⁴ Трайнин И. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 36.

враждебные, «не марксистские», поэтому систему советского государственного права лишь условно можно именовать правовой по причине отсутствия в ней правовой «материи», в сущности, сталинская Конституция и основанное на ней конституционное право – это стержневой элемент политической системы. Конституция стала основой пирамиды властных государственных норм, «краеугольным камнем» системы политической власти.

Для советских правоведов-конституционалистов возникла терминологическая проблема: разграничения государственного права в «узком» и в «широком» смысле, поскольку все советское право было государственным. Предложение И. П. Трайнина заключалось в том, чтобы государственное право в «узком» смысле именовать конституционным.

Кульминационным пунктом первой «волны» дискуссии о системе советского права стало коллективное обсуждение проблемы на объединенном заседании секции общей теории права и гражданского права Института права АН СССР 2 июля 1940 г. В рамках проведенной дискуссии обнаружилось, что у идеи системы права есть не только сторонники, но и противники. Оказалось, что есть правоведы, которые отрицают саму возможность и необходимость построения системы советского права (на это обстоятельство обратил внимание М. О. Рейхель¹). М. М. Мороз, в частности, отмечал, что «классификация права не представляет собой вообще теоретической проблемы, ибо она дается самим законодателем – в названии закона, в кодексе, в оглавлении»².

Большинство участников обсуждения в качестве критерия отраслевого деления права называли предмет правового регулирования (М. М. Агарков, Д. М. Генкин, Г. М. Свердлов, М. А. Аржанов и др.). Некоторые же (в частности, С. Ф. Кечекьян) полагали, что не следует проводить резкую грань между предметом и методом регулирования отношений, что предмет и метод суть едины³. В целом солидарен с этой точкой зрения был С. Н. Братусь, который отметил, что его напрасно относят к сторонникам идеи единственного критерия – метода правового регулирования; «при построении системы права нельзя отказываться от выяснения связи между предметом и методом»⁴.

Важный, на наш взгляд, акцент был сделан М. А. Аржановым при подведении итогов дискуссии о системе советского права: «Система определяется той задачей, которая перед ней поставлена»⁵. По сути, одной фразой он перечеркнул все свои ранее заявленные идеи о том, что система права «следует за предметом», за меняющимися общественными отношениями, что именно предмет надо брать за основу деления права. В этой фразе – отражение реальности, настоящего положения «вещей»: в основе построения системы советского права действительно лежали программные задачи партии, среди которых важнейшая – осуществление диктатуры пролетариата правовыми средствами. Предмет, методы правового регулирования, да и принципы советского права в период формирования его как целостной системы были напрямую обусловлены этой важнейшей задачей. Система советского права «следовала» не за существующими отношениями, которые сами определялись ею, она следовала за «линией партии», за ее решениями, установками.

В правовых системах эволюционного типа, где нормы права юридически закрепляют существующие социальные отношения, предмет (как его понимал М. А. Аржанов) действительно имеет определяющее значение, но в системах революционного типа (искусственно созданных) предмет правового регулирования, понимаемый не в смысле должного, а в смысле сущего, не может быть основой для системы права. Общественные отношения, социальное мироустройство сами определяют систему революционного права, которое заключает в себе образ желаемого будущего.

Первая «волна» дискуссии о системе советского права завершилась в 1946 г., заключительным ее «аккордом» стали статьи известных правоведов: С. Ф. Кечекьяна и М. С. Строговича. Развивая высказанную им ранее идею о единстве предмета и метода правового регулирования, С. Ф. Кечекьян писал: «Нельзя не заметить, что метод

¹ К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 197.

² Там же. С. 201.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Там же. С. 204.

правового регулирования неотделим от его предмета. Предмет регулирования, т. е. те или иные общественные отношения, составляет одно целое с их правовым оформлением, следовательно, включает в себя определенный метод регулирования¹. Метод, по его убеждению, не может быть положен в основу в качестве самостоятельного критерия деления права, таким критерием должен быть предмет правового регулирования.

Построить систему права по предмету означает «ориентировать ее на систему общественных отношений»², представляющих собой, по его мнению, некоторое законченное целое, единство. В теоретических построениях автор статьи явно исходил из предпосылки, что процесс разрушения старого буржуазного строя и становления нового, социалистического, близится к завершению, что его фундамент уже в основном сформирован, поэтому он рассуждал о наличии целостной системы общественных отношений, некапиталистического хозяйственного уклада. Применительно к этой, в значительной мере сформировавшейся системе новых общественных отношений правовая форма (способы, методы правового регулирования), исходя из логики автора публикации, должна следовать за содержанием, за предметом правового регулирования.

В статье М. С. Строговича «Принципы системы советского социалистического права» отмечалось, что «проблема системы права – проблема не формально-юридическая, а методологическая, и она вовсе не сводится к простой распланировке правового материала по рубрикам и разделам, а свой смысл имеет в раскрытии в праве реальной связи правовых явлений, существующих в обществе»³. С одной стороны, автор статьи полагал, что систему права можно «построить на подлинно научных основаниях», для этого надо вскрыть единство действующего права, внутри этого единства обнаружить все различия групп, видов правовых норм, а также установить связь этих различных групп правовых норм друг с другом. С другой стороны, система права – это, по его мнению, «само действующее право в его единстве и делении на отрасли»⁴.

В концепции М. С. Строговича, на наш взгляд, произошло смешение правовой реальности (система права как состояние правовой материи) и представлений о ней (система права – теоретическая модель, созданная правоведами). Что касается научных представлений о системе права, то мысль ученого о том, что система права должна быть орудием познания права, средством его усовершенствования и развития, заслуживает внимания. Действительно, основательная научная теория системы права, отражающая закономерности правового развития общества, может быть фактором прогресса. Напротив, антинаучная теория, в которой революционная идеология игнорирует социально-правовые законы, может стать препятствием на пути правового прогресса общества.

М. С. Строгович, как и С. Ф. Кечекьян, отстаивал идею единства предмета и метода правового регулирования. При этом метод, по его убеждению, имеет производное значение при построении отраслей права, он связывал его с целями правового регулирования отношений, т. е. с волей законодателя. Метод правового регулирования, «не будучи тем основанием, на котором производится построение системы права, может служить дополнительным, подсобным признаком при разграничении отдельных отраслей права»⁵. Таким образом, принцип единства предмета и метода правового регулирования не означает признание их равноценности, отрасли права формируются на основе предмета – регулируемых правом общественных отношений, которые не являются неизменными. Динамика общественных отношений обуславливает динамизм, изменчивость системы права. Поэтому нет и не может быть исчерпывающего, «универсального» перечня отраслей права, пригодного для «всех времен и народов».

Обозначим результаты первой «волны» дискуссии о системе права. Во-первых, юристы в целом достигли консенсуса в отношении необходимости «построения» сис-

¹ Кечекьян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41.

² Там же. С. 44.

³ Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 2. С. 85.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 92.

темы советского социалистического права; теории «засыпания», «отмирания» права были отвергнуты как не соответствующие вызовам времени. Во-вторых, утвердилось понимание системы права как деления правовых норм по отраслям. В-третьих, в качестве главного, а для многих юристов – единственного критерия деления права признан предмет правового регулирования. В-четвертых, официально отвергнуто римское деление права на частное и публичное, хотя отдельные советские юристы выступали за его сохранение в советском праве¹.

Следующая «волна» дискуссии о системе советского права прошла во второй половине 50-х гг., в период, когда начинался процесс либерализации политического режима (хрущевская «оттепель»). Отдельные авторы, учитывая изменившиеся социальные условия, указывали на отставание юридической науки от потребностей практики. Так, В. С. Тадевосян отмечал, что еще не выработано стройного учения о системе советского права, отвечающего требованиям времени². По его мнению, необходимо нацелить юридическую науку на развитие экономической сферы, народного хозяйства. Для более эффективного регулирования экономической деятельности он предлагал сформировать самостоятельную отрасль – хозяйственное право, которое должно включать в себя различные подотрасли: промышленное, сельскохозяйственное, кооперативное, транспортное, торговое, банковско-кредитное право.

Л. И. Дембо также полагал, что в рамках первой дискуссии о системе права проблема в целом не была решена, сама постановка проблемы неправильная, необходим более широкий взгляд на систему права. Предыдущее обсуждение, по его мнению, свелось к вопросу о предмете и методе правового регулирования как критериях разграничения отраслей права; «нужна новая постановка проблемы. Проблема должна быть поставлена в общей форме и с принципиальных общетеоретических позиций»³. Он предложил понимать систему права как совокупность правовых принципов и обусловленной ими систематики права (классификации отраслей права). Принципам права он отводил важнейшую роль в формировании системы права, «каждая отрасль права конкретизирует отдельные общие принципы в соответствующей области правоотношений»⁴. Один из принципов права всегда имеет в каждой отдельной отрасли доминирующее значение. Поскольку автор статьи признал невозможным дать исчерпывающий перечень принципов советского права, то, следуя его логике, и состав отраслей советского права должен быть открытым. В качестве предпосылок, необходимых для формирования самостоятельной отрасли права, Л. И. Дембо выделял: а) наличие соответствующей области общественных отношений; б) единство этих отношений; в) объективно обусловленный интерес у господствующего класса в самостоятельном регулировании данного комплекса отношений. Относительно новый элемент в его перечне – это третья предпосылка, участники первой дискуссии выделяли в качестве важного фактора цели, задачи, стоящие перед законодателем, государством.

Д. М. Генкин, анализируя позицию Л. И. Дембо, пришел к выводу, что принципы регулирования не могут быть критериями для построения системы советского права. По его мнению, принцип эквивалентности, на который ссылается Л. И. Дембо, ха-

¹ Кроме Б. Б. Черепихина (Черепихин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск: [б. и.], 1926) в защиту сохранения деления права на частное и публичное выступали, например, Н. И. Челябинов, С. Н. Братусь, Я. Ф. Миколенко. С. Н. Братусь предложил модифицированную версию формулы Ульпиана: делить советское право на публичное (государственное) и гражданское (Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 43). М. П. Карева, критикуя позицию С. Н. Братуся и Я. Ф. Миколенко, пришла к выводу о том, что деление права на частное и публичное является «попыткой проникнуть в сущность права», а не принципом его разделения; по ее мнению, противопоставление публичного и частного права следует относить к числу «юридических иллюзий» (Карева М. К вопросу о делении права на частное и публичное // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 18, 22). Как утверждает Д. М. Азми, «официально (официозно) отвергнутая, дуалистическая концепция права поддерживалась видными представителями отечественного правоведения в „режиме непризнания“ частного права. В скрытой форме ее модификации прослеживаются в воззрениях многих участников Совещания» (Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. С. 243).

² Тадевосян В. С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 99.

³ Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 95.

рактен не только для гражданского права, но и для трудового и колхозного права; принцип демократического централизма – для административного, а также гражданского права и т. д.¹ В основу построения системы советского права должен быть положен единый классификационный признак – предмет правового регулирования. Как и в статье, опубликованной в 1939 г.², он отмечал то обстоятельство, что методы правового регулирования, применяемые законодателем в рамках одной отрасли права, например советского гражданского права, могут быть различны, поэтому метод регулирования не может быть положен в основу разделения права на отрасли, в том числе как добавочный, вторичный критерий. Что касается предложения В. С. Тадевояна о выделении в качестве самостоятельной отрасли хозяйственного права, то Д. М. Генкин выступил категорически против данной инициативы. Он полагал, что, несмотря на существенные различия отношений, возникающих между гражданами и между социалистическими организациями, между ними существует тесная связь, основанная на общей природе социалистической собственности. Кроме того, значительное число норм гражданского права являются общими для имущественных отношений между гражданами и между организациями, те же нормы, которые предлагается включить в хозяйственное право, по своей сути, характеру разнородные (административно-правовые и гражданско-правовые), они несовместимы друг с другом, не образуют единое правовое целое.

Против критерия предмета правового регулирования как единого, универсального основания отраслевого деления права, отстаиваемого Д. М. Генкиным, а также другими советскими правоведом, возражала Ц. А. Ямпольская. По ее мнению, он не дает и не может дать готовых решений в отношении разграничения отдельных отраслей права, необходимы дополнительные критерии³. В целях решения данной проблемы она предлагала взять за основу сформулированные Л. И. Дембо три предпосылки, необходимые для формирования самостоятельной отрасли права. Что касается принципов права, их роли в построении системы права, то в этой части Ц. А. Ямпольская не разделяла точку зрения Л. И. Дембо: «Основные принципы, лежащие в основе советского права, являются общими, едиными для всех отраслей права и в каждой из отраслей права *каждый* из общих принципов находит свои специфические для данной отрасли права формы проявления»⁴. Схожую позицию по поводу принципов права отстаивал С. И. Вильнянский, он полагал, что «доминирующий принцип» не может быть положен в основу отраслевого деления права, поскольку не позволяет установить четкую границу между отраслями права, «вообще следует заметить, что тот или иной принцип определяется предметом, а не наоборот»⁵.

Против идеи основного, доминирующего отраслевого принципа выступали также М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе. Принципы как положения, провозглашенные людьми, по их мнению, сами нуждаются в объяснении и обосновании⁶. М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе отмечали ненадежность, произвольность использования критерия основного принципа права в качестве «краеугольного камня» при разграничении отраслей права. Они выделили три основные особенности, которые отличают систему права от систематики правовых норм. Во-первых, система права представляет собой «объективное структурное качество действующего в данном обществе права». Систематика же производится «на основе классификационного критерия, субъективно избранного систематизатором согласно с характером разрешаемых им задач»⁷. Во-вторых, составные части системы права (отрасли права) также отграничиваются друг от друга в силу объективных качеств, свойственных каждой из них. К чис-

¹ Генкин Д. М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 84.

² Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Там же. 1939. № 4. С. 32, 33, 37.

³ Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Там же. 1956. № 9. С. 92. С возражениями Ц. А. Ямпольской в отношении представлений Л. И. Дембо о роли принципов права в разделении отраслей был солидарен Г. И. Петров (Петров Г. И. Место административного права в системе советского права // Там же. 1957. № 1. С. 94).

⁴ Ямпольская Ц. А. Указ. соч. С. 97.

⁵ Вильнянский С. И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 107.

⁶ Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Там же. № 6. С. 101.

⁷ Там же. С. 103.

лу таких объективных качеств они относили предмет (основной критерий) и особый метод правового регулирования (вспомогательный критерий), присущие каждой из отраслей права. В-третьих, входящие в систему права отрасли не дублируют, а, наоборот, взаимно исключают друг друга. Одна и та же норма не может одновременно быть в разных частях системы права, в правовой же систематике правовые нормы можно группировать по своему усмотрению. В качестве примера такого относимого ими к систематике произвольного объединения правовых норм они называли хозяйственное право. Что касается собственно системы права, то М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе выделяли пять отраслей права: государственное, административное, гражданское, уголовное, процессуальное право (включающее в себя уголовный, гражданский и административный процессы).

М. С. Строгович, развивая свои представления о системе права, изложенные в рамках первой дискуссии, отмечал: «Система права – это не просто структура действующего права, это проявляющаяся в нем закономерность развития и действия права. Научная разработка системы советского права может иметь своей целью совершенствование всех звеньев процесса правового регулирования, содействие развитию права, улучшению законодательства»¹. По его мнению, не стоит преуменьшать значение дискуссии о системе права 30-х гг., ее результатом явилось правильное по существу положение о предмете правового регулирования как основе построения системы права, теперь же необходимо новое углубленное исследование системы права. Рассматривая место уголовно-процессуального права в системе советского права, он отмечал то обстоятельство, что предметом регулирования в данной сфере являются не фактические, а правовые отношения, что процессуальные отношения существуют только как правовые отношения². Хотя уголовно-процессуальное право тесно связано с уголовным правом, тем не менее это отдельная, самостоятельная отрасль права. Вместе с тем М. С. Строгович полагал, что есть все основания говорить о советском процессуальном праве, которое включает в себя уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право. Он считал оправданной теоретически и практически конструкцию, объединяющую оба процесса вместе с судоустройством в одну отрасль процессуального или судебного права³. Судебное право, по его словам, представляет собой сложную, комплексную отрасль советского права, включающую в себя более «узкие» отрасли права: уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и судоустройство.

Интересные идеи в рамках второй «волны» дискуссии о системе права были высказаны также другими советскими правоведом. Н. Г. Александров, например, отмечал, что «отрасль права образует только такая совокупность юридических норм, которая, кроме особого метода и формы правового регулирования, характеризуется также специфическими общими, принципиальными положениями для данной совокупности норм»⁴. И. В. Павлов наряду с предметом правового регулирования, основным критерием деления права по отраслям, методом как вспомогательным, дополнительным критерием, предлагал также учитывать важный, по его мнению, субъективный фактор – волю господствующего класса⁵. М. А. Тарасов отстаивал идею выделения в качестве самостоятельной отрасли транспортного права, включающего в себя железнодорожное, речное, морское, воздушное и автомобильное право⁶. Некоторые советские правоведы (Л. Я. Гинцбург, В. П. Ефимочкин, Г. М. Свердлов, В. С. Покровский) в ходе научной сессии, организованной Институтом права АН СССР 30 июня – 3 июля 1958 г., выступили за признание хозяйственного права в качестве самостоятельной отрасли, большинство же высказались против.

В целом в рамках второй «волны» дискуссии о системе советского права, как справедливо отметил И. В. Павлов, проявилось стремление большинства советских пра-

¹ Строгович М. С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 107.

⁴ Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117–118.

⁵ Павлов И. В. О системе советского социалистического права // Там же. № 11. С. 10.

⁶ Тарасов М. А. Система транспортного права Советского Союза // Там же. 1957. № 4. С. 110–111.

ведов не осуществлять кардинальных преобразований, коренной ломки созданной системы права, а совершенствовать ее в соответствии с новыми задачами. Однако данная позиция, на наш взгляд, предполагала наступление не только позитивных последствий, заключающихся в сохранении стабильности, устойчивости системы советского права, но и негативных, связанных с возможным торможением в развитии отечественной экономики, с потенциальной утратой ее конкурентоспособности. Проблема в том, что система права, созданная в 30-е гг., была ориентирована на осуществление идеи диктатуры пролетариата, поэтому представляла собой систему властных норм, своего рода «правовой кулак» для борьбы с внутренними и внешними врагами. В послевоенный же период, когда главная задача для юристов заключалась в создании эффективной системы стимулов для успешной экономической, хозяйственной деятельности, научно-технического прогресса, жесткое правовое регулирование скорее препятствовало, чем способствовало решению новых задач. Властный «кулак» хорош на войне, но малопригоден в повседневной работе, особенно творческой.

В методологическом плане главный дефект сформировавшегося в советской юридической науке взгляда на систему права заключался в том, что система права отождествлялась с отраслевой дифференциацией правовых норм. Вместо гибкого, многоаспектного подхода, отражающего функциональные, генетические, структурные и иные связи, существующие в праве, советские правоведы взяли за основу односторонний, патолого-анатомический подход, нацеленный на расчленение «живой» правовой материи на отдельные ее части и оперирование ими как самоценными элементами. Само по себе деление права по отраслям еще не является угрозой для целостности права как системы, но лишь до тех пор, пока не создает препятствий естественному движению правовой материи, свободному правовому «кровообращению». Когда же отдельные части системы права искусственно отделяются друг от друга, рассматриваются как самоценные элементы, то система утрачивает гибкость, эластичность. Вместо свободного движения правовой материи по всей правовой сфере создается относительно замкнутая ее циркуляция в рамках отдельных отраслей права, где формируются собственные отраслевые принципы, связи норм, отраслевые институты, подотрасли и т. д.

В рамках единого правового поля возникают отраслевые перегородки, стены, препятствующие решению общеправовых, а также межотраслевых задач. Происходит раздел и своего рода «присвоение» правовых сфер по отраслевому принципу: законодательные инициативы по регулированию отношений собственности становятся достоянием гражданско-правовой отрасли, управленческих отношений – административного права и т. д. Отраслевые «фильтры» не пропускают предложений, новаций, нарушающих установленное системное размежевание. Другим следствием отраслевого раздела права является борьба против «инакомыслящих» – сторонников идеи существования комплексных отраслей и институтов права, а также иных альтернативных систем. Отраслевое «мироустройство» поддерживается системой образования, профессиональной подготовки юристов, осуществляемой также по отраслевому принципу.

Подобно медикам, которые лечат не человека, а отдельные части его тела, советские юристы, да и современные российские правоведы, занимаются не правом вообще, а решением конкретных отраслевых проблем. При этом главные, стратегические задачи социально-правового развития страны, прогресса общества оказываются «ничейными». Советское государственное (ныне конституционное) право изначально не было нацелено на правовой прогресс, на осуществление правовых идеалов, оно создавалось для осуществления политических задач, связанных с построением общества, не основанного на правовых принципах. Созданная в СССР система права скорее по форме, технико-юридической оболочке была правовой, по сути же в ней отсутствовал «дух» права, идея правового прогресса. Неслучайно многие известные советские правоведы основу, фундамент системы права искали вовне правовой материи. Как голая юридическая форма, созданная для осуществления главной политической сверхидеи, она оказалась ее заложницей и в конечном счете разделила ее судьбу.

Список литературы

Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 392 с.

Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117–124.

Аржанов М. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.

Аржанов М. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 12–28.

Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 36–52.

Вильнянский С. И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 102–109.

Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1–26.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–284.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). Окончание // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131–278.

Генкин Д. М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 80–91.

Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 28–40.

Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 88–98.

К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 197–204.

Карева М. К вопросу о делении права на частное и публичное // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 14–27.

Кечекаян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41–50.

Лазарев В. В. Онтология законодательства: источники развития // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сб. ст. / отв. ред. В. В. Лазарев. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 85–94.

Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 1–29.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.

Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20 февраля // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 396–400.

Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. С. 9–32.

Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.

Павлов И. В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 3–18.

Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. 128 с.

Петров Г. И. Место административного права в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 91–101.

Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 2. С. 81–98.

Строгович М. С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 102–109.

Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст., 1917–1930. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. 236 с.

Тадевосян В. С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 99–108.

Тарасов М. А. Система транспортного права Советского Союза // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 110–114.

Траинин И. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 36–45.

Черепакхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск: [б. и.], 1926. 26 с.

Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23–178.

Ямпольская Ц. А. О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 92–102.

References

Aleksandrov N. G. (1958) O meste trudovogo i kolkhoznogo prava v sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the place of labour and collective farm law in the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 5, pp. 117–124.

Arzhanov M. (1939) O printsipakh postroeniya sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the principles of building the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 26–35.

Arzhanov M. (1940) Predmet i metod pravovogo regulirovaniya v svyazi s voprosom o sisteme prava [The subject and method of legal regulation in connection with the issue of the legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8–9, pp. 12–28.

Azmi D. M. (2014) *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podkhody i resheniya* [The system of law and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow, Yustitsinform, 392 p.

Bratus' S. N. (1940) O predmete sovetskogo grazhdanskogo prava [On the subject of Soviet civil law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 36–52.

Cherepakhin B. B. (1926) *K voprosu o chastnom i publichnom prave* [On the issue of private and public law]. Irkutsk, 26 p.

Dembo L. I. (1956) O printsipakh postroeniya sistemy prava [On the principles of building a legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 88–98.

Engel's F. (1961) Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t.*, 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 21, pp. 23–178.

Genkin D. M. (1939) Predmet sovetskogo grazhdanskogo prava [The subject of Soviet civil law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 28–40.

Genkin D. M. (1956) K voprosu o sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the issue of the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 80–91.

K diskussii o sisteme prava (1940) [Towards a discussion about the legal system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8–9, pp. 197–204.

Kareva M. (1939) K voprosu o delenii prava na chastnoe i publichnoe [On the question of the division of law into private and public]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 14–27.

Keчек'ян S. F. (1946) O sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 41–50.

Lazarev V. V. (2026) Ontologiya zakonodatel'stva: istochniki razvitiya [The ontology of legislation: sources of development]. In Lazarev V. V. (Ed.) *Zakonodatel'stvo v obustroistve rossiiskoi zhizni: istoriya i sovremennost' (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo): sbornik statei*. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, Norma, INFRA-M, pp. 85–94.

Lenin V. I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya [State and the revolution]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 33, pp. 1–120.

Lenin V. I. (1970) O zadachakh Narkomyusta v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki. Pis'mo D. I. Kurskomu. 20 fevralya [On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the context of the new economic policy. Letter to D. I. Kursky. February 20]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 44, pp. 396–400.

Lenin V. I. (1970) Velikii pochin (O geroizme rabochikh v tylu. Po povodu «kommunisticheskikh subbotnikov») [The Great Initiative (About the heroism of the workers in the rear. Concerning the «communist subbotniks»)]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t.*, 5th ed. Moscow, Politizdat, vol. 39, pp. 1–29.

Marks K. (1961) Kritika Gotskoi programmy [Criticism of the Gotha program]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: v 30 t.*, 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 19, pp. 9–32.

Neresyants V. S. (1996) *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law – mathematics of freedom. The experience of the past and prospects]. Moscow, Yurist, 160 p.

Pashukanis E. B. (1927) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General theory of Law and Marxism], 3rd ed. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 128 p.

Pavlov I. V. (1958) O sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 11, pp. 3–18.

Petrov G. I. (1957) Mesto administrativnogo prava v sisteme sovetskogo prava [The place of administrative law in the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 91–101.

Shargorodskii M. D., Ioffe O. S. (1957) O sisteme sovetskogo prava [On the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 101–110.

Strogovich M. S. (1946) Printsipy sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [Principles of the system of Soviet socialist law]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 81–98.

Strogovich M. S. (1957) Ugolovno-protsessual'noe pravo v sisteme sovetskogo prava [Criminal procedure law in the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 102–109.

Stuchka P. I. (1931) *13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statei, 1917–1930* [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: collection of articles, 1917–1930]. Moscow, Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo, 236 p.

Tadevosyan V. S. (1956) Nekotorye voprosy sistemy sovetskogo prava [Some issues of the Soviet law system]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 99–108.

Tarasov M. A. (1957) Sistema transportnogo prava Sovetskogo Soyuza [The system of transport law of the Soviet Union]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 110–114.

Trainin I. (1939) O sodержanii i sisteme gosudarstvennogo prava [About the content and system of state law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 36–45.

Vil'nyanskii S. I. (1957) K voprosu o sisteme sovetskogo prava [On the issue of the system of Soviet law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 102–109.

Vyshinskii A. Ya. (1939) XVIII s"ezd VKP(b) i zadachi nauki sotsialisticheskogo prava [The XVIII Congress of the CPSU(b) and the tasks of the science of socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 1–26.

Vyshinskii A. Ya. (2009) Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad na I Soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.) [The main tasks of the science of Soviet socialist law: Report at the First Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938)]. In *Voprosy pravovedeniya*, no. 1, pp. 191–284.

Vyshinskii A. Ya. (2009) Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava: Doklad na I Soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.). Okonchanie [The main tasks of the science of Soviet socialist law: Report at the First Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938). End]. In *Voprosy pravovedeniya*, no. 2, pp. 131–278.

Yampol'skaya Ts. A. (1956) O meste administrativnogo prava v sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the place of administrative law in the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 92–102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026